

Сергей

Прокопьев

КУЛАЙ -

ОСТРОВ НЕСВОБОДЫ

16+

Сергей Прокопьев
Кулай – остров несвободы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Прокопьев С. Н.

Кулай – остров несвободы / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Кулай – остров в океане Васюганских болот, отрезанный от материка непроходимыми топями. Место спецпоселения раскулаченных крестьян. В конце сороковых годов XX века спецпоселение закрыли, жители разъехались, о Кулае напрочь забыли. Но вдруг вспомнили в конце девяностых. Скорее, вспомнили о нефтяном месторождении, дорога к которому лежит через Кулай. Герой повести, священник отец Андрей, горит идеей создания скита на острове. В нём будет возноситься молитва об упокоении душ безвинных жертв тех, кто покоится в безымянных могилах, утонул в топях, пустившись в побег... Но снова крестьянами мостится дорога к светлому будущему, на автотрассу к нефтепромыслу идёт грунт с кладбища спецпоселенцев. Загребают экскаватор косточки, черепа...

Содержание

КУЛАЙ – ОСТРОВ НЕСВОБОДЫ	5
В океане болот	5
Паломничество на Кулай	7
Побег ради жизни	9
Лучшая борода училища	12
Васисс	17
Следователь Балашенко, взрывник и другие	19
Воскресная школа	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Прокопьев

Кулай – остров несвободы

КУЛАЙ – ОСТРОВ НЕСВОБОДЫ

В океане болот

Кулай. Чужая музыка в слове. Холодная, настораживающая. Кулай – остров среди Васюганских болот. Летом, в период цветения болот, летишь на вертолёте, а под грохочущей, сверкающей винтами машиной открывается многоцветный от горизонта до горизонта раскинувшийся ковёр. Огромные пятна – белые, голубые, красные, жёлтые, зелёные. Смотришь в иллюминатор, пытаешься вобрать в себя картину, которую иначе как с высоты и не увидишь. Мы говорим о чуде Байкала, Ниагарского водопада, неповторимых Кордильер. Васюганские болота из этого ряда – бескрайние, недоступные, таинственные, красивые и пугающие. Здесь есть свои озёра, реки, острова и проливы, этот огромный мир отгородился от человека топиями и трясинами. А если ты вдруг оказался в нём по своей или чужой воле, не так-то просто выбраться на сушу.

Вытянутым пятном лесистой суши лежит Кулай в океане трясин. Кулай – в переводе острый нож. На карте остров вытянут с юга на северо-запад, и надо обладать завидной фантазией, чтобы увидеть нож, тем более – острый. Высоты, на которой летит вертолёт, не хватает обозреть границы острова. Давний-давний инородный первопроходец этих мест, воскликнувший: «Кулай!» – каким-то образом почувствовал сходство с ножом. Не откажешь аборигену в образном мышлении. Сумел, стоя на земле, вознестись духом ли, воображением ли и обозреть клочок земли с высоты. Замечу, не вертолётной, бери выше.

А у меня на высоте птичьего полёта под гул двигателя вертолёта вдруг обожгло сердце – пересекаю пространство, по которому уходили на Небо души спецпоселенцев, проходивших мытарства на кусочке земли в океане болот. Прискорбный счёт открыли те, которые покидали детские тела. Они первыми устремились в небесные обители. При раскулачивании нередко детей постарше забирали родственники, грудничка не оставишь, везли их матери, прижимая к себе, по тридцатиградусной стуже.

Стучит в висок услышанное, женщина вышла к обозу с ведром молока. Жалко горемычных, везут на погибель. Кому как не местным знать – жить на Кулае, куда идёт обоз, нельзя, никто, ни в какие времена там не селился. Гиблое место. Вышла крестьянка с ведром молока, подаёт женщине в сани:

– Напой детей, ведро забросишь в кусты. Я потом подберу.

Женщина в ответ суёт свёрток:

– Поступи как со своим.

Крестьянка взяла поспешно, тут же налетел конвоир и давай охаживать её плёткой. Не жалел силы, чтобы и другим неповадно. Женщина под ударами не выпустила свёрток из рук, прибежала с ним домой, развернула, а в нём мёртвый ребёнок. «Поступи как со своим», значит, похорони по-человечески. Похоронила чужого ребёнка, а через три года сама легла рядом, сказались побои, нанесённые охранником.

Сколько трупиков оставалось на обочинах после прохождения обозов. Было такое, вырывают из рук матери умершего ребёнка, а та кричит: «Не отдам, похороню на месте»... Случалось, обезумевшая от отчаяния мать сама бросала исходящего криком младенчика в сугроб – кормить всё одно нечем.

Читая газеты, документы

Нас выслали из родной деревни в марте 1932. Отобрали всё: дом, скотину; всех на подводу и под конвоем на край света. Добирались ровно месяц: 130 километров до Омска, потом три сотни до Тары и ещё 130 до Кулая. Выгрузили просто под ёлками. Мне тогда было пять лет... В первый год в нашей семье умерло двое детей. Потом ещё один. Дети умирали раньше взрослых – от болезней, от холода, голода. В месяц на человека полагалось всего шесть килограммов хлеба с берёзовыми опилками.

Из воспоминаний спецпоселенца Андрея Ивановича Мостового. «Аргументы и факты в Омске» № 16 2004 г. Татьяна Минаева «Без права на могилу»

Паломничество на Кулай

Мы едем на Кулай. По обочинам сверкают снежные поля под небесным ультрамарином. Мартовское солнце щедрое, молодое, безудержное. Весенний день не узкая полоска в пять-шесть часов – солнце только-только успевает перевалить с восточной части неба на западную. В марте ему вдосталь можно нагуляться по синему простору, лаская золотистыми лучами настывший за зиму мир, радуя надеждой – скоро-скоро тепло.

Добрую тысячу километров предстоит преодолеть нам за день на Кулай и обратно. На душе солнечно, задуманное полгода назад свершается. Об этом паломничестве заговорили осенью, робко: как бы устроить поездку? И вот ровно урчит мотор, летит под колёса дорога. Нас трое: иерей Андрей, монахиня Евдокия и я. Батюшка за рулём. У него настоящая поповская борода, не аспирантский фасонистый клинышек, не пижонская до последнего волоска облаканная бородка, какую можно встретить у молодых иереев, нет, у батюшки окладистая, богатая серебром. Когда-то митрополит Омский и Тарский Феодосий восторгался ею, но об этом чуть позже. Батюшка смотрит на дорогу, рассказывает о себе. В далёкой молодости гонял по этой трассе на большегрузных машинах. На Кулай тоже случалось много раз ездить. Ничего не знал о трагической истории острова.

– Тогда жизнь в Васиссе была ключом! – вспоминает. – В центре села день и ночь работала столовая. Зимой подъезжаешь, полно машин и сизый дым висит – морозняка, двигатели шоферня не выключала. Ух, пельмени готовили столовские. Вручную лепили. Две мощные стряпухи исключительно на пельменях стояли. Уважали водители те пельмешки.

Батюшка из иереев призыва девяностых годов – кто пришёл к Богу не в студенческом возрасте. Не рухнул Советский Союз с его атеизмом, многие из этих священников, возможно, вообще не пришли бы в храм. Но Господь призвал.

– Скажи мне кто в девяностом пятом, стану священником, ни за что не поверил, – улыбается батюшка.

Что толкнуло к тому прилавку? Советский Союз был на закате. После долгих дебатов в Кремле (большинство горбачёвских перестройщиков костыми ложились с мнением «против») коммунисты разрешили Русской православной церкви отпраздновать тысячелетие Крещения Руси. В провинции данное событие прошло незаметно, центральное телевидение ограничилось коротенькими репортажами, местное вообще никак не отреагировало. Да всё равно пошли подвижки. Андрей Иванович после работы заглянул в «Детский мир», сына какой-нибудь игрушкой порадовать, и заметил новый прилавок, скромненько притулившийся в уголке. С товаром более чем необычным для советского магазина: свечи, иконки, крестики. Православную литературу в то ещё атеистическое время светские издательства не печатали, патриархия, находясь под прессом советской идеологии, выпускала крайне ограниченные тиражи книг. На прилавке сиротливо лежала Библия – Новый завет и Ветхий Завет. Солидное каноническое издание в русском переводе. Отличная бумага, добротный переплёт, цена тоже приличная. Андрей Иванович взял в руки тяжёлый том, полистал, и захотелось иметь такой. Захотелось и всё. В кармане лежала хорошая премия. Почему бы не купить.

– Беру, – сказал продавщице.

Принёс Библию домой, поставил в шкаф, и восемь лет она пробыла без движения. Ни строчки не прочёл.

Как говорит сам батюшка:

– Господь ждал-ждал, когда возьмусь за Священное писание, и решил ускорить процесс – шарахнул меня по затылку.

Никаких видимых причин для падения не имелось. На ровном месте поскользнулся Андрей Иванович и так ударился, что врач настаивал на инвалидности. Доктора, как известно,

не любят давать инвалидность, здесь настаивал. Андрей Иванович отказался. В голове не укладывалось – чуть более сорока и инвалид. Да ни за что! Врач смеялся:

– Кто-то готов на харакири пойти ради инвалидности, вам по закону положено – вы фордыбачитесь. Оформляйте да и всё. Наши чиновники дадут без всяких. Не тот случай волокитить...

Андрей Иванович слушать не хотел.

– Хозяин – барин, – разочарованно отреагировал врач на упрямство пациента, – моё дело предложить, а там хоть трава не расти.

Врач даже обиделся слегка. Пожалел человека, а он гнёт из себя героя. Прописал на три месяца строжайший домашний режим. Никаких прогулок на свежем воздухе, безвылазно находиться в четырёх стенах. И не потому, что обиделся – травма была из опасных. На лавочке перед подъездом и то запретил сидеть:

– Вам только разреши! – сказал и добавил категорично: – Если хотите жить – носа из квартиры не высовывать.

Вот тогда-то Андрей Иванович достал Библию. «В начале сотворил Бог небо и землю...» И прочитал от корки до корки. До тех самых строчек, что завершают «Откровение святого Иоанна Богослова»: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами». Далеко не всё понял, прямо скажем, мало что понял, и всё же прочитанное вдохновило, растревожило. Взялся читать по второму кругу. Торопиться некуда, времени вволю. В очередях в поликлинике сидеть не надо – все медицинские услуги с доставкой на дом. И врачи, и медсёстры посещали его строго по графику. Осмотры, системы, уколы. Едва не всё свободное время, оно, можно сказать, с утра до вечера было свободным, Андрей Иванович читал и думал.

– Я как живую воду пил, – рассказывал батюшка. – Мир раздвигал свои границы. Многого сходу не дошло, но понял главное: не так мы живём, не так я живу. Суетливо, мелочно...

Побег ради жизни

День набирал силу. Широкое небо, весёлое солнце предвещали скорую весну. Не за горами капель, птичий гомон, нежная листва. А пока ослепительно сверкают снежные поля слева и справа от трассы, по которой летит наша машина.

– Неделями тащились обозы на Кулай по этой дороге, – произнесла монахиня Евдокия. – Бабушка рассказывала, её родители надеялись: по-человечески с ними поступят, их изначально обманули. Сказали: ничего с собой не брать, на месте выдадут.

Приехав в Васисс помогать батюшке с клиросом, монахиня знать не знала, что она не первая из их рода, кто посетил сей медвежий угол. На побывку приехала в Омск, начала бабушке захлёб рассказывать про Кулай, та огорошила:

– Я едва не умерла там.

Ничегошеньки бабушка Лена не помнила из той одиссеи по причине малого возраста. Быть бы ей среди сотни младенцев, кои умерли по дороге в спецпоселение и на самом Кулае, да остановился обоз в Петровке, последней деревне перед болотом, на ночлег, и хозяйка, куда определили их, пожалела кроху.

– Оставьте девочку, – сказала родителям, – за болотом ничегошеньки нет – голая тайга!

Жили прадедушка Игнат Иосифович и прабабушка Матрёна Фёдоровна в Заводоуковске, что в Тюменской области, имели в хозяйстве лошадь, корову и восемь детей. Игнат Иосифович был церковным старостой. При раскулачивании данный штрих биографии потянул сильнее, чем корова и лошадь. Новая власть, взяв курс на атеизм, церковнослужителей записала в ряд идеологических противников. Объявив кулака классовым врагом, к безжалостной борьбе с ним подверстали тему церкви. Дескать, заодно и по опиуму для народа пройдемся железной пятой – одним махом семерых побивахом. Дабы не возвращаться к данному вопросу в будущем.

В Заводоуковске получилось печальнее, пришли к старосте церкви представили власти, скомандовали: «Собирайтесь!» Ничего с собой брать не велели, никаких топоров, вил и другого инвентаря, дескать, на месте всё выдадут. Куда едут – не объявили. Запряг Игнат Иосифович лошадь, съестных припасов, крестьянским умом рассуждая, с запасом взял, а детей – не всех. Взял двоих старших да самую младшую – Елену, бабушку монахини Евдокии, восьмимесячного грудничка. Остальных чад родственники разобрали.

– Оставьте девочку, – настойчиво советовала женщина в Петровке, – загубите ребёнка.

Звали женщину Анной. Посовещались родители Елены, молоко у матери в дороге пропало, кормить младенца нечем, и решили оставить младшенькую у чужих людей. А там как Бог даст.

Монахиня попыталась найти родственников Анны в Петровке. Успехом розыски не увенчались, кого ни спрашивала из деревенских, никто, ничего не знал.

– Сама Анна, поди, давно умершая, – сказал самый старейший петровский дедок, – а родственники, верней всего, уехали. В деревне нас, видишь, три калеки осталось.

После слов Анны о том, что за болотом, куда их везут, никакого жилья нет, одна тайга, у Игната Иосифовича начала зреть мысль о побеге. Запоминал дорогу, осторожно расспрашивал местных, которых брали в обоз в качестве возчиков, не все лошади раскулаченных выдерживали долгий путь. Про людей и говорить нечего. Весной столько трупов вытаяло из-под снега вдоль дороги и на самом Кулае. С приходом тепла в некоторых местах невозможно было дышать из-за смрада.

Больше месяца в общей сложности ехали они в ссылку. Привезли на Кулай, а там снег по горло, сосны да ёлки до неба. Ни строений, ни нормальной еды. Топоры, чтобы каждому работнику в руки, не давали. Только под присмотром. «Ага, вооружи вас топорами да вилами», –

посмеивалась охрана. Начали шалаши ставить, разрывать снег до земли, костры жечь, на кострищах спать.

Игнат Иосифович на Кулае окончательно решил: жизни здесь не будет. Это понимали многие. Да не все решались на побег. В который раз поблагодарил Игнат Иосифович Господа и помолился за рабу Божью Анну, что приютила Елену у себя, с младенцем было бы сложнее. Решил идти с семьёй в ночь на Пасху, в тот год она была двадцатого апреля. Апрель выдался морозный, лежнёвку не развезло, но дело шло к этому, ждать дальше нельзя. Ночью под свет звёзд Игнат Иосифович со своей Матрёной Фёдоровной и старшими детьми Иваном да Василием пошли узкой дорожкой. На двух конных охранников наткнулись под самое утро. Но Бог уберёт, охранники из местных, недавно призванные, махнули рукой, мол, мы вас не видели, идите с Богом. Правда, ухнуло сердце у Игната Иосифовича, пошло в галоп, вдруг раздался за спиной громкий оклик «подождите». Обернулся он, смотрит – охранник направил коня в их сторону. Бежать бесполезно. Игнат Иосифович безропотно остановился – ждёт. Охранник подъехал вплотную, наклонился с седла и сунул в руку Игнату Иосифовичу что-то завернутое в тряпочку. И ускакал. Оказалось, три яйца крашенных и кусок кулича.

Беспрепятственно добрались до Петровки. Раба Божья Анна обрадовалась, как родным. На Пасху приехали кумовья из Мартюшей. Они забрали с собой беглецов, потом помогли переправиться в Тару. Везде попадались добрые люди, так семья добралась до Омска, где удалось затеряться и осесть.

– Когда первый раз поехали с батюшкой на Кулай, – рассказывает монахиня, – не могла избавиться от чувства – еду туда, где были прадедушка и прабабушка, бабушкины братья, куда бабушка чудом не попала... Всё перемешалось, прадед был старостой церкви в Заводоуковске, мама – партийной, дедушка воевал, до Берлина дошёл, танкист. А про Кулай впервые услышала в монастыре, спецпоселенцами были две наши монахини – матушка Гликерия и матушка Пелагия...

Матушка Гликерия оказалась «за болотом», как называли Кулай местные, в шесть лет. В первые дни спецпоселения, в марте тридцатого года. Прибыла семья обозом из Москаленок. Мать, отец, четверо детей. Она младшая. Сестрёнка, всего на год старше, в первые дни на Кулае сильно простудилась. Больную посадить бы на русскую печь, да где взять ту печь. Через два дня девочка умерла. Слава Богу, остальных детей смертельные хвори обошли. Мать семейства, отчаянная женщина, по теплу надумала с тремя детьми бежать. Продуктовую норму работника получал один муж, отдавал её детям, сам впроголодь перебивался. Если так дальше пойдёт, а другого не предвиделось, она и мужа потеряет, следом детей. Побег удался, вышла сама из кольца болот, вывела детей. Куда дальше? Вариантов не было, надо идти в Москаленки, а дальше в родную Николаевку.

На что надеялась женщина? Власти забудут? Оставят в покое? Или была договорённость с мужем, он тоже убежит с Кулая, потом все вместе куда-нибудь уйдут? Через одиннадцать месяцев мать с детьми снова отправили в ссылку, и снова в Васюганье, но не на Кулай, а по другую сторону болот – в Каргасок. Везли по Иртышу на барже. Наобещали женщине, муж присоединится к семье в Таре, пусть не беспокоиться – вместе будут ссылку коротать. И коварно обманули. Матушка Гликерия рассказывала, когда миновали Тару, мать зашлась в крике, сбежалась вся баржа на вопль отчаяния. По опыту Кулая прекрасно понимала женщина, что такое ссылка, не представляла, как выживать на чужбине одной с тремя детьми. Кулай многому научил, собираясь в дорогу, пошла на хитрость – под видом одежды взяла недозволенное – мешок муки, в ящик уложила, тряпками накрыла.

– С баржи стали выгружаться, – рассказывала матушка Гликерия монахине Евдокии, – один охранник заподозрил неладное, чересчур тяжелый ящик, коль в нём одежда – женщина еле тащит. Мама стала Бога просить. Что-то охранника отвлекло, потерял интерес к нашей поклаже, сошли на берег без проверки. Как та мука выручила нас. А осенью радость – папа при-

соединился, мужчинам разрешили приехать с Кулая. Двадцать четыре дня добиралась мужики на лодке по Иртышу до Кургасока.

Не любили ни матушка Гликерия, ни матушка Пелагия рассказывать про ссылку. Матушка Пелагия прожила на Кулае восемнадцать лет. Детство, юность, молодость остались за болотом. В девять лет привезли родители на Кулай, и до двадцати семи безвыездно там. Не знали кулайцы электричества, радио. Не было в их совхозе никакой техники. Всё вручную. Одна подмога – лошадь. Работала матушка на раскорчёвке леса, таскала за мужиков, призванных в войну на фронт и в трудармию, тяжелые мешки. Отца в 1942 году арестовали, присудили восемь лет. Отсидел, вернулся, а через три месяца умер – рак.

– Ничего светлого не могу вспомнить на Кулае, – говорила матушка Пелагия. – Как вспомню, всё внутри обрывается. Жили мы в Знаменском районе, в селе Чередово. Вдруг раскулачивание. Поначалу не понимала ничё. Вывели из дома, а куклы между рамами в окошках. Для красоты делали. Разревелась. Жалко кукол оставлять. Больше ничего не интересовало. Мать плачет, жизнь порушена, я плачу – куклы остались. Привезли нас в Тару в тюрьму, в ней ночь переночевали. На следующий день дальше. Не было ничего хорошего на Кулае. С девочками ходили ликоподий собирать, лекарственную траву. Не раз и не два было такое: идёшь и вдруг скелет. Заблудился человек или от бессилия упал, рядом котелок. Бедняга истлел, столько пролежал, места дикие, а котелок стоит. И в ряме, когда ходили по клюкву, встречали умерших. Лежат те косточки, земле не преданные. Упокой, Господи, их души.

Лучшая борода училища

Мчит машина по снежно-солнечному простору. Ровно гудит двигатель. За бортом морозно, в машине тепло, я расстегнул пуховик, снял шапку, шарф. Есть расхожий, тиражируемый жёлтой прессой (она в отношении христианства едва не вся такого цвета) образ – поп на «мерседесе». Не скажу, что в моём поле зрения много попов, и всё же с десятка три наберётся, на «мерседесах» не попадались. Хотя, что там говорить, разные есть батюшки.

В распоряжении отца Андрея «жигули» четвёртой модели. Видавший виды автомобиль, но в опытных руках ещё вполне. Хотя пора менять, лет двадцать машина бежит по дорогам и сельскому бездорожью. «Четвёрка» непростая – подарок владыки Феодосия. Делал ли он подобные подарки ещё кому-то, кроме отца Андрея, не слышал. Батюшка получил за Кулай. Владыка не говорил о причинах автомобильной щедрости, это читалось в подтексте. Отец Андрей лелеет презент владыки, да старость автомобильная тоже не в радость. С Божьей помощью авто пока на ходу, даже на такой бросок решился хозяин.

– Доедем, – уверенно говорит он и продолжает свой рассказ, – купил я «Закон Божий». Священное писание нешуточный интерес пробудило. На этой почве начались разногласия с женой. Начну читать «Закон Божий» вслух детям, её позову. Реакция огневая. Нет-нет и нет. Тот случай, когда Божье слово вызывает отторжение. А уж когда я бороду отпустил, вообще ополчилась. А борода куда с добром. Это сейчас поседела, поредела, тогда густая, чёрная, окладистая. Сама по себе аккуратная. Бывает, торчит во все стороны, ровный не ровный – не то. У меня, без хвастовства скажу – загляденье была. Не зря владыка сразу отметил. Я записался в духовное училище, по книжкам можно долго узнавать, что и как, тут умные люди учат. Училище вечернее, после работы туда. Владыка мою бороду с первого занятия стал в пример ставить.

«Что сказано в «Левите», – говорил владыка, митрополит Омский и Тарский Феодосий, аудитории: – «Не стригите головы своей кругом, и не порти края бороды своей». Не должно, согласно писанию, брить голову и подстригать края бороды. У вас не бороды – видимость, будто не в иереи готовитесь, а в пижоны-аспиранты. У одного раба Божия Андрея борода, с которой на амвон выйти не стыдно».

Требовал равняться на Андрея Ивановича, пока тот не удумал постричься. Сел в кресло к мастеру-цирюльнику, коим была девчушка остроглазая. Постригла она голову семинаристу. Андрей Иванович посмотрел на себя в зеркало – всё отлично, но борода всё же чересчур разрослась. Пусть сказано в Писании «не порти края бороды», однако красота требовала чуток пройтись ножницами по краям. Девчушка честно призналась: бороду они в училище проходили, но лично у неё опыта по данной волосяной растительности не имеется. Андрей Иванович предложил общими усилиями добиться требуемого результата. Не сложнее в конце концов борода головы. Пощёлкает девчушка ножницами, отступит на шаг, оценит результат. Снова пощёлкает. Надо было всего ничего снять, получилось – чересчур. Андрей Иванович крякнул, да что делать – сам напросился.

Владыка увидел «лучшую бороду духовного училища» и в лице переменялся:

– Что ж ты с собой сделал-то? Да как тебя угораздило?

Не будешь владыке объяснять про несчастный случай – парикмахер оказался двоечником по бороде. Минут пять качал владыка головой, разводил руками, отчитывал. Наконец успокоился, перешёл к теме занятия. Однако стоило бросить взгляд на Андрея Ивановича (он перед глазами – за первым столом) – начинал по новому кругу:

– Один на весь курс с настоящей бородой – благообразной, представительной, в самый раз для батюшки, и тот себя испоганил. Мирского человека встречают по одежке, священника

– по бороде. С твоей только лекции восторженным девицам где-нибудь в университете читать! Но ты ведь не в профессора, в иереи собрался, и вот...

Все в аудитории с «профессорскими» бородами сидят, владыка одного Андрея Ивановича склоняет. Свёл занятие к растительности на лице.

– Ну, посмотрите-посмотрите на него, – в третий раз вернулся к теме дня, – что он, спрашивается, с собой сделал?

Борода – дело поправимое, прошло недельки три, снова лучшей на курсе стала. Другое плохо – не торопился владыка на амвон с ней пускать Андрея Ивановича.

Годы шли интересные. Всё новые и новые церкви начинали оглашать колокольным звоном городá и веси нашей многострадальной страны, возвращались епархиям когда-то отнятые храмы. Народ потянулся к вере. Одна загвоздка – служить в храмах некому, священники в остром дефиците. Владыка Феодосий то и дело сокурсников Андрея Ивановича рукополагал. Не успеет такой к орарю дьякона привыкнуть, а уже епитрахиль священника на нём. Андрей Иванович год учится с «лучшей бородой училища», второй...

Как говорилось выше, он в училище пошёл исключительно с катехизаторскими планами, но осмотрелся, огляделся и захотел в дьяконы. О сане священника не мечтал, слишком ответственно, а дьяконом почему бы не нет. Голос – дай Бог каждому, читал по-церковнославянски без запинок. Опять же – борода лучшая на курсе. Однако у владыки на этот счёт имелось особое мнение. Каждую субботу он служил в Ачаирском монастыре Честнаго Креста Господня, при этом обязательно брал в свою свиту кого-то из семинаристов, Андрея Ивановича никогда не приглашал. Тому приходилось добираться до монастыря своим ходом.

– Успокаивал себя, – рассказывал батюшка, – на всё воля Божья. Да это сказать легко, а попробуй избавиться с лёгкостью от червячка, который грыз: чем я хуже других? У владыки всегда были любимчики, в их число, откровенно скажу, не рвался. Не один раз наблюдал: сегодня он в фаворе, владыка от себя не отпускает, а завтра в упор не хочет видеть, отправляет на самый дальний приход. Владыка тоже был с норовом, прости меня Господи.

Лишь на втором году обучения митрополит отдал команду «лучшей бороде» писать прошение в дьяконы. Преподавал он гомилетику, пришёл на занятие и первым делом объявил об этом своём решении. По дороге в училище пришёл к нему или раньше, только первым делом наказал перед лекцией писать прошение. Обрадовался Андрей Иванович. Вполуха слушал лекцию, сказанное владыкой пело на сердце, за спиной росли крылья. Дух захватывало от открывающейся перспективы послужить Богу! Светская жизнь остаётся, всё круто меняется!

Воспарил над землёй и тут же шмякнулся об её твердь. Батюшка с первого взгляда может показаться человеком спокойным, даже толстокожим, на самом деле горячий, эмоции могут ударить через край, оттеснить рациональность на второй план. В конце занятия владыка по своему обыкновению спросил:

– Вопросы есть?

Редко когда в такие минуты следовали вопросы. По простой причине – владыка не любил их. Не потому, что ответов не знал. С его светлой головой и памятью, знал всё, но считал: после его ясной и понятной лекции, какие могут быть вопросы. На тему отвлечённую от гомилетики – тем более. Лекционная аудитория не то место на постороннее время тратить. Андрей Иванович, получив зелёный свет в дьяконство, осмелел. На «вопросы есть?» спросил разрешения:

– Благословите?

Владыка посмотрел испытующе на «лучшую бороду», сделал паузу и произнёс великодушно:

– Тебе сегодня можно.

Андрей Иванович, счастливо сияя лицом, спросил:

– Как в наше время попасть на Афон?

Об этой мечте своей никому не говорил, однажды ехал в поезде из паломнической поездки, ответов на духовные вопросы она не дала, и пришла мысль о Святой горе. Крестьяне царской России в XIX веке ходили из Сибири в Иерусалим, почему бы крестьянскому сыну в XXI веке не слетать на Афон.

Казалось бы, что особенного прозвучало в вопросе семинариста. Если бы семинарист женского пола, имелись таковые в группе, задал его, тогда понятно... Известное дело: гора Афон закрыта для тех, кому надлежит стоять в храме с покрытой головой. Какой подвох может быть в интересе к Святой горе мужчины?

Оказывается, подвох читался. Владыка, будучи большим дипломатом и политиком, на десять ходов вперёд зрел в корень. Иногда, как в нашем случае, мог почувствовать то, чего на самом деле не было. За невинным на первый взгляд вопросом увидел хитро продуманный умысел. Посчитал, за счёт епархии раб Божий вознамерился на Афоне стогнать. Не успел сан принять, уже выгоду ищет, льготы себе обеспечивает. Позже Андрей Иванович узнал – прецеденты паломничества на Святую гору за счёт епархии имели место. Три таких случая зафиксировала статистика. В делах финансовых владыка отличался прижимистостью, поэтому иерею надо было обладать выдающимися заслугами, дабы попасть на Афон за счёт епархии. И вдруг семинарист возмнил себя непонятно кем, подавай ему Святую гору.

Владыка чуть наклонил голову, глядя на вопрошающего, и пропел:

– Можно.

Андрею Ивановичу почувствовать бы, каким тоном «можно» произнесено, и прикусить язык, который, как известно – наш враг. Андрея Ивановича несло на крыльях настроения, охватившего после слов владыки о дьяконстве, широким жестом плеснул масла в разгорающийся огонь, ляпнул ни к селу, ни к городу:

– Кто первый спросил про Афон, – дерзко сказал владыке, – первым едет на Святую гору.

Категорически открыл собою список отправляющихся в паломничество по афонским монастырям.

Владыка посмотрел на дерзкого семинариста так, будто шилом прошил.

– Молитвенник выискался, – прорвало архиерея, – на Афон собрался! Да знаешь, как надо заслужить такую награду?! Ты ещё ничего не представляешь из себя – и на Афон его пошлите!

Андрей Иванович сидел на третьем ряду, после этих слов владыки голову в плечи вобрал, спрятался за впереди сидящего семинариста. Стыдно, обидно... Ушат ледяной воды на бело-снежные крылья радости опрокинул митрополит. Обидно – владыка вовсе не так понял, стыдно перед однокашниками – высунулся с инициативой и получил.

Стало понятно после реакции митрополита: никакого прошения на дьяконство писать не следует. Своим языком всё испортил.

– Ребята меня убеждают, – рассказывал батюшка, – всё равно пиши прошение, раз владыка благословил. Дескать, он только Афон обрубил, про благословение слова не сказал, не взял его обратно. Поначалу решил: ни за что писать не буду, потом думаю: где наша не пропадала. Прощение носил с собой больше месяца, где владыку ни увижу, у него реакция, будто знать меня не знает. Отвернётся в сторону, в упор не видит. Я тоже упрямый, удобный момент в Ачаирском монастыре поймал. Столкнулись нос к носу у церкви Димитрия Солунского, я вручил прошение. Он пробежал глазами, усмехнулся и говорит:

– Рано тебе ещё!

Бумагу не вернул, забрал, да только получается – как благословил, так и передумал. Тонкий политик, он знал, когда приблизить к себе, по головке погладить, а когда и за уши потрепать, по носу щёлкнуть.

Месяцев десять Андрей Иванович был в немилости. Владыка демонстративно не признавал его ни в храме, ни в училище. В тот раз Андрей Иванович на вечерней службе подошёл на елеопомазание, митрополит, ставя кисточкой крест на лбу, сказал:

– Во вторник приходи в училище.

Что, зачем? Отказываться не будешь. Андрей Иванович пришёл, сел подальше. Владыка опять, будто не знает его. Вдруг нашёл глазами и спрашивает:

– А вы зачем сюда пришли?

– Обычно на «ты» ко мне обращался, – продолжал рассказ батюшка, – тут, словно в первый раз видит. Сам пригласил, а теперь «зачем?». Мне терять нечего, встаю и говорю: «Вы, владыка святой, в одной из ваших проповедей говорили о Поклонном кресте на Кулае, строительстве скита в тех местах. Может, я каким-нибудь истопником или трудником сгожусь там». Видели бы владыку, он изменился лицом, расцвёл в улыбке: «Дорогой ты мой, да тебя губернатор расцелует». Я дерзко в ответ: «Вовсе не для губернаторского лобзания хотел при ските быть». Владыка дерзость мимо ушей пропустил. Позвал к доске и принялся вопросы задавать по всему курсу. Я отвечаю. Он: «Да ты всё знаешь». Меня задело: «Да ничего, не знаю». Грешен, обида на него точила сердце. За перепады отношения ко мне, то в упор не видел, отворачивался при встрече, вдруг «дорогой»...

С этого момента пошли дела Андрея Ивановича в гору. В ближайшую субботу владыка взял его с собой в Ачаирский монастырь, его и ещё одного семинариста – Ивана Хмелёва.

Той весной Андрей Иванович наметил кардинальные перемены в жизни. В мае планировал взять отпуск и отправиться по монастырям. Для себя решил: в своей епархии ему ждать нечего, надо найти обитель, к которой душа прилепится, и остаться в ней трудником. Прекрасно знал: монастырям прежде всего нужны люди рукастые, умелые. В себе был уверен, много что делать умел, а водитель с многолетним стажем в любой обители сгодиться. В монахи не собирався, трудником хотел себя попробовать.

В Ачаире в Успенском соборе на вечерней службе владыка позвал Андрея Ивановича в алтарь и спрашивает:

– Ты почему без подрясника?

Вопрос, конечно, интересный, зачем, спрашивается, ему подрясник. Не имел его никогда, в алтарь впервые попал. Можно сказать, с бухты-баракхты. Андрей Иванович эти тонкости объяснять не стал. Доложил, что нет подрясника. Владыке ответ не понравился, приказал взять подрясник у Ивана Хмелёва. Последнего позже рукоположит в диаконы и иереи. Здесь были свои сложности. Отец у Ивана из серьёзных предпринимателей, не к церковной службе готовил сына, да смирился с выбором чада. Однако пускать на самотёк церковную карьеру сына не хотел, вышел к владыке с предложением: он на свои средства возводит храм в городе, но с единственным условием – сын будет в нём настоятелем. Владыке идея не понравилась, не одобрил:

– Храм для сына – не полезно. Моё дело определять, где кому служить.

Иван из себя щупленький, Андрей Иванович тоже не богатырь, однако подрясник Хмелёва едва-едва налез на него. Андрей Иванович в первый момент не понял, зачем владыка устроил сцену с облачением в подрясник. Однако тут же наступил второй момент, который всё прояснил. Сказали: «Выходи». Он из алтаря вышел, перед иконостасом встал, раздался возглас: «Повели!» Взяли его под руки и повели в алтарь.

Ехал в Ачаир мирским человеком, вернулся дьяконом.

– Присягу зачитывать, – рассказывал батюшка, – а текста нет в храме. Владыка крикнул от недовольства. Да с его феноменальной памятью разве это преграда. Скомандовал отцу Владимиру взять бумагу и ручку, начал диктовать. Дали мне присягу, я её зачитал и диакон готов. Все поздравляют, владыка тут же даёт наказ: утром быть на службе в Христорожественском соборе.

Новоиспечённый диакон думал, на стажировку, а ничего подобного, владыка взял сумасшедший темп. Всего одну ночь пал отец Андрей в сане диакона. В воскресенье на литургии был рукоположен в священники. После чего вывел митрополит новоиспечённого иерея на амвон... Храм, само собой полон, как же – архиерейская служба.

– Сегодня мы рукоположили в священники отца Андрея, – объявил владыка, – отправляем его на Кулай, к Поклонному кресту. Там будет сооружён монашеский скит. Край далёкий, безлюдный, большая надежда на отца Андрея. В скиту будет возноситься молитва о загубленных душах, безвинных жертвах Кулая.

Лестно было Андрею Ивановичу стоять на амвоне рядом с владыкой, слушать напутственные слова.

Благословил владыка ехать в Васисс, открывать храм, создавать приход.

Андрей Иванович, теперь уже отец Андрей, решил не срываться с низкого старта в край далёкий, поднатореть в Омске в службе, опыта поднабраться, настоятель Христорожественского собора предложил:

– Поможешь мне недельки две-три, на дорогу подзаработаешь. У меня как раз один священник в отпуск просится.

Недели не прошло, Андрей Иванович попался на глаза владыке. Тот возмутился:

– Тебя в Васиссе ждут не дождутся – ты здесь прохлаждаешься.

Отец Андрей честно признался, с деньгами туго. Не на что ехать!

Владыка хмыкнул, диалог начальника и подчинённого состоялся накануне Радоницы.

– Дам тебе иеродиакона, – сказал преосвященный, – в родительский день езжай на кладбище, послужи панихиды, литии...

Васисс

Не слишком вдохновил батюшку Васисс, когда приехал к месту своего служения. Умирающую деревню сразу видно. Улицы, зияющие пустотами на месте когда-то стоявших домов. Немало из тех, что остались, доживало свой век. Ветшали, кособочились без нужного догляда, крепкой мужской руки. Скорее всего, хозяева и сами из племени доживающих.

Васисс, приличной площади село, стояло с проплешинами на окраинах и в самом центре. Первый удар по селу нанесли реформаторы в начале шестидесятых. В хрущёвскую перестройку потерял Васисс статус районного центра. В нём стояли геологи, работал мощный лесхоз, сотни детей бежали каждое утро со всех улиц к двухэтажной школе, а двухэтажный интернат вбирал в себя ребяташек со всего района. Три тысячи жителей насчитывал Васисс. Проблема была картошку посадить, сено накосить. Тайга кругом, болота – земли мало, лугов недостаточно. Сейчас – сади, не хочу, коси – сколько душе угодно, но пустуют уголья – некому раззудить плечо с косой да граблями. В хрущевские времена поубавился Васисс, но ещё крепко стоял. Горбачёвская перестройка, с ельцинской переломкой и последующей оптимизацией добились сельское хозяйство, а сельское оно потому и сельское, что сельчане ведут. Работы не стало. Лесхоз ещё дышит, не сказать, на ладан, да всех работой обеспечить не в состоянии. И полутысячи жителей не наберёт Васисс. Да и те, кто в силе, кто не махнул на себя рукой, норуют в Тару уехать.

Владыка Феодосий считал, отправляя отца Андрея в Васисс, не на пустое место едет новоиспечённый иерей – из села в епархию пришло прошение от главы администрации с просьбой прислать священника. Однако никто его не ждал. Приехал, а жить негде, с помещением под храм никакой определённости. Всё пришлось самому выбивать. Главой посёлка была в то время Тамара Павловна, это она писала прошение митрополиту.

С ней приключился знаменательный случай. Поставил батюшка колокольню. Колокол в Таре презентовали. Отчасти по пословице: на тебе, Боже, что нам негоже. Тарской обители колокол не подходил, трещина шла по боку, а для деревни и такой куда с добром. Колокол не в комплекте – без языка. Да это мелочи, тем более в Васиссе нашёлся мастер, выточил за двести рублей. На Пасху Господню к колокольне, как и полагается, свободный доступ. Звонницу батюшка сам построил во дворе церкви – четыре высоких столба, площадка в двух метрах от земли, а над ней под крышей колокол. Звонарям-добровольцам батюшка облегчил жизнь, детям ничего не стоило взлететь на звонницу по приставной лестнице, взрослому не так-то просто. Батюшка нашёл выход: привязал длинную верёвку к колоколу – дёргай и никуда залазить не надо, можно управлять громкой музыкой прямо с земли. Всем весело и радостно: беспрерывный звон над селом во славу Воскресения Господня. Пасха Христова во всей своей красе пришла в Васисс – с ночной службой, колокольным звоном, освящением яиц и куличей. Детишки в очередь выстраивались к колокольне, всю старались, дёргая за верёвку, и взрослые впадали в детство. Подошла глава администрации, два раза дёрнула и оторвала язык колокола.

Казалось бы – с кем не бывает. Но если подумать – многозначительный факт, человек написал прошение в епархию, слёзно просил прислать священника, он прибыл и что? А ничего – крутись батюшка, как знаешь.

Приехал отец Андрей в Васисс, вышел из автобуса, попутчики разошлись, один остался посреди деревни, обставленный сумками – рук не хватит унести. Понятно, не на неделю прибыл, навсегда приехал. Время вечернее, вот-вот ночь опустится со всеми вытекающими последствиями. А куда идти? Это не город, на вокзале не переночуешь. Начал крутить головой, искать, где дом с государственным флагом. Где тут власть, его призывавшая в село, гнездится.

Хорошо, мир не без добрых людей – директор лесхоза, Вениамин Петрович, проходя по улице, не прошёл мимо одиноко стоящего священника. Остановился, спросил, в чём загвоздка. Узнал и за сразу сотовый телефон. Вызвал свою машину и повёз батюшку в лесхоз. В его ведомстве имелась гостевая комната. В ней батюшка первые два месяца жил, пока с огромным трудом не определился с домиком. А с Вениамином Петровичем они сдружились, много раз батюшке помогал.

– Плохой я поп, – сокрушается отец Андрей. – Не сумел собрать село вокруг себя. Да и мыслями был на Кулае. Считал, я должен в Васиссе подготовить место для своего приемника. Переберусь в скит на Кулай, на смену владыка нового священника пришлёт, тому не с нуля, как я, начинать. Домик подготовлю, церковь доведу до ума... Всё сделал, но по домам не ходил, до каждого жителя не пытался достучаться. Лишь в церкви говорил о спасении души, о покаянии...

Возможно, Бог, отправляя батюшку в Васисс, давал последнюю зацепку его жителям. Преобразитесь сами – преобразится село, не скатится в свой апокалипсис. Покайтесь в грехах, посмотрите на свою жизнь. С церковью даётся вам шанс: будет служить Божественная литургия, будет Святой Дух нисходить на Святые Дары, а значит, и на стоящих в храме. Будут причащаться сельчане, а причастник и сам освящается, и окружающих освящает.

Единицы пришли в церковь. Не шли сельчане к Святой Чаше, избегали исповеди. Закостенело село в безверии, в равнодушии. Первое время даже те, кто приходил на службу, отказывались от исповеди. Дошло до того, что батюшка, со всей своей горячностью, пригрозил вообще не служить литургию.

По-настоящему за шесть лет, что служил отец Андрей в Васиссе, покаялось всего несколько человек.

Следователь Балашенко, взрывник и другие

Дед Балашенко, в далёком прошлом следователь и даже прокурор, ходил по селу с прямой спиной, как балетный танцор. Весной, летом, осенью неизменный серый пиджак, на голове фуражка защитного цвета. Такие фуражки выпускала одно время советская промышленность в качестве ширпотреба. Защитного цвета верх, такого же околышек с козырьком, без кокарды. Не военная, верх поменьше, околышек уже, чем на форменных, небольшой козырёк. Среди молодёжи вообще не пользовались такой фасон спросом, если и носили – деды. Под девяносто годков было Балашенко в то время. Воевал. О военном прошлом, как говорили односельчане, не любил рассказывать. Мол, на фронте был недолго, ранили, а пока в госпитале лежал и войне конец. В церковь несколько раз заходил в будни, когда службы не было, батюшка по своему обыкновению что-нибудь ремонтировал. Фуражку снимет, постоит, посмотрит. Говорил скупое. На заданный отцом Андреем однажды вопрос – крещён или нет, ответил, что в детстве крестили.

– Бабка по отцу сильно верующая была, – добавил к ответу, не пояснив, каким образом она участвовала в его крещении.

В Васиссе до войны храм был в честь иконы Казанской Божьей Матери.

– Там, где сейчас магазин, – рассказал Балашенко, – поповский дом стоял. Это я помню.

В Бога не верил.

– Какой Бог? – возмущался. – Какая загробная жизнь? Брехня на постном масле. Помрём, и черви сожрут за милую душу! Вот вам и вся загробная жизнь с раем и адом вместе взятыми.

В тот вечер монахиня Евдокия с двумя клирошанками репетицию проводила, батюшка в алтаре полку делал. Вдруг раздались в сенях-веранде топающие шаги, вбежал внук Балашенко, он в школе физику и математику преподавал.

– Батюшка Андрей, дед зовёт, умирать собрался! – выпалил с порога. – Пойдёмте быстрее.

Монахиня на всякий случай тоже пошла, помочь батюшке, если вдруг умирающий побороться захочет. Идут по селу, навстречу фельдшер. Доложила, что Балашенко совсем плохой.

– Да и пора уже, – добавила бесстрастно.

Дом у Балашенко добротный. Крытый двор. Тут же стайка для коровы, свиней, в дальнем углу баня. Высокое крыльцо, бордовым цветом крашено, застеклённая веранда. Батюшка с монахиней зашли, Балашенко лежал в дальней комнате на кровати поверх одеяла. При виде батюшки начал садиться.

– Лежите-лежите! – попытался остановить батюшка.

– Нет, – с трудом сел на кровати. Посидел и сказал хриплым голосом: – Исповедоваться буду.

Домашних выгнал:

– Идите во двор, там подождите.

Внука спровадил, жену его.

Монахиня собралась за ними уходить.

– Ты сиди, – скомандовал.

И начал рассказывать, как расстрельные статьи подписывал. В синих кальсонах, лысый, седая щетина на впалых щеках, тонкая шея.

– Сволочь я, сволочь. Витька Самсонов, в школу вместе ходили, а я его... Умный был, мне так наука не давалась... Сгинул в лагерях. Если бы люди знали, что я творил... Никого не щадил. Наоборот, удовольствие доставляло. Разорвать меня на куски мало...

Заплакал:

– Надька соседка, двое детей, мужа лесиной придавило, и её не пожалел... Двоюродный дядька в ногах у меня валялся, просил за зятя Игната... Мог я отвести Игната от статьи... Не захотел, не любил меня Игнат, чувствовал мою гадскую сущность. Надсмехался: «Говнистый ты, Миша, мужик!» Раз я говнистый, пусть тебе говнисто будет. Ему в Таре следователи-костоломы почки отбили, на этапе умер. В Тарской тюрьме звери подсобрались в те годы, потом и сами по 58-й статье пошли.

Хоть и говорил Балашенко «черви сожрут», а совесть была, мучила всю жизнь, кровенило сердце. Не только червей загробных боялся. Всю исповедь слёзы, сопли на кулак мотал.

– Я после той исповеди всю ночь заснуть не могла, – говорила монахиня. – Большую часть жизни он кровавую грязь в душе носил. Получается, саднило сердце.

Не умер Балашенко после исповеди. На предложение батюшки причаститься, подумал и согласился. Стакан с запивочкой дрожал в руке, но держал сам, всё выпил. И обессиленно лёг, вытянувшись во всю длину.

И прожил ещё два года. Всё также ходил по селу с прямой спиной, в неизменной фуражке. В церковь больше ни разу не заходил и батюшку с монахиней сторонился. Молча кивнёт при встрече. Но попросил перед смертью внука, чтобы «поп отпел».

Однажды пришла в церковь женщина, Светлана Петровна. До пенсии была воспитательницей в детском саду, заведующей. Из сельской интеллигенции. Жила, то в Васиссе, то в Таре, где у неё дочь была замужем. На службы заходила изредка, не исповедовалась, не причащалась. Миловидная женщина, из тех, кто и в шестьдесят стройны и симпатичны.

Батюшка достраивал дровяник в церковном дворе, зашёл в храм за гвоздями, она следом. Перекрестилась, поздоровалась. Потом говорит:

– Батюшка, мне в последнее время один и тот же сон снится. Мальчишка лет двенадцати. Хорошенький такой.

Сказала, посмотрела испытывающим взглядом на батюшку. Тот ждал продолжения. Явно не сном поделиться пришла Светлана Петровна.

– А вы знаете, отец Андрей, – сменила тему прихожанка, – в этом здании роддом был? Батюшка знал.

Здание относилось к больничному городку. В нём размещался роддом, потом стационар.

– А вот там, – Светлана Петровна показала на дверь в ризницу, – абортарий находился. Знаете?

Этого он не знал.

– Подруга у меня в этом роддоме работала, – сказала Светлана Петровна и показала на печь. – Стою на службе, и вдруг придёт в голову – сколько после абортотворения детей сожгли в этой печке.

Сказала и вдруг разревелась:

– Можно прямо сейчас исповедоваться? Иначе не решусь. Забеременела я в девушках, – начала Светлана Петровна, – дотянула, что никакой аборт делать нельзя. Подруга-акушер вызвала искусственные роды, ну и в этой печке мы его... И вот снится постоянно мальчик, почему-то думаю тот ребёнок. Простит мне Бог?

Батюшка задал несколько вопросов, прочитал разрешительную молитву, наказал вычитать каноны, прийти в воскресенье к причастию.

Не пришла.

В то будничное утро батюшка красил окно внутри церкви, стукнула входная дверь, зашёл мужчина. Постарше батюшки, за шестьдесят. В чёрных резиновых сапогах до колен, брезентовой куртке. Подвыпивши. Подал руку, здороваясь, одновременно представился:

– Борис.

Батюшка видел его в селе, у Бориса был самодельный трактор, без кабины, с кузовом. Жил на дальнем от церкви краю в хорошем доме. Мужчина постоял, потом попросил у

батюшки кисть, скупыми уверенными движениями докрасил раму, подоконник. Получалось хорошо.

– В стройбате служил, – прокомментировал профессиональное наличие навыков маляра. – До тошноты помахал кистью. Да и лопатой пришлось.

После чего сказал:

– Прости меня, отец, болит душа. Иногда до того плохо. Сестра моя ходит к вам, Татьяна. Ну да я не о том. По молодости охоч был до баб. Зверски охоч. Первая жена Лида... Потом ещё два раза женился, всё не то. Лучше её не было. Поначалу хорошо с Лидой жили, да мне всё мало. Куролесил. Особо не прятался. Ей стыдно, обидно! Хозяйка была настоящая, у неё и мать такая, с Украины они, из переселенцев. Скотину мы держали, а в доме ни соринки. Чистота везде. Ничего не замечал, одно было на уме... В тот раз закрутил с медсестрой, а работал взрывником у геологов... Лида обмотала себя взрывчаткой и... Я же ей и рассказывал, дурак, что и как делается... Дескать, вот какая у меня ответственная и опасная работа. Не могу её забыть. Хочу, а не могу. В последнее время тянет к ней на могилку. Что мне делать?

Эту историю батюшка рассказал, когда мы проехали поворот на Большеречье.

– У отца Андрея в Большеречье двенадцать детей, – сказала монахиня Евдокия, – одиннадцать своих, один приёмный. Сейчас строит храм в честь Успения Пресвятой Богородицы.

– У настоятеля нашего храма отца Дионисия, – не смог я лишний раз не выразить восхищения, – десять детей!

– Какой у вас храм? – спросила матушка.

– Ефрема Сирина.

– Детки – самое светлое в васисской эпопее, – произнёс батюшка, глядя на дорогу. – Приехал в Васисс, из автобуса вышел, стою. В подрыснике, с крестом, всё как полагается. Куда идти не представляю. Ко мне мальчик подходит. Апрель. Развезло. Пять сумок. Одежда, облачение, кое-какая церковная утварь. Священники помогли. Один кадило дал, другой трезник. Владыка распорядился выдать с епархиального склада евхаристический набор. Ехал ничего не знал, как и где буду устраиваться. Зато было благословение владыки. С ним ничего не боялся. Ни в тайге, нигде.

Подходит мальчишка, лет двенадцати. Поздоровался.

– А вы кто? – спрашивает.

– Священник.

– Вы меня покрестить можете?

– Церковь, – говорю, – откроем, принесёшь разрешение от родителей, окрещу обязательно.

Что вы думаете, крест на фронтоне прибиваю, залез на сени-веранду, прибиваю, он снизу кричит:

– Батюшка я разрешение принёс.

– Двести двенадцать человек за шесть лет окрестил, – приводит отец Андрей церковную статистику. – В храм единицы пришли... Был случай, по сей день жалею... С год прошло, как приехал в Васисс, слышу, в калитку кто-то стучится, открываю – девочка. Славная, шапочка помпоном, розовая курточка, глазёнки большие, ясные. Потом узнал, в первом классе училась. Бойко заявляет:

– Меня Алисой зовут! Хочу креститься!

Правило – крестить исключительно с письменного согласия родителей неукоснительно соблюдал. Сказал, чтобы несла разрешение. И получаса не прошло, снова стук в калитку. Снова Алиса.

– Вот, – говорит и протягивает листок бумаги. Из блокнота вырван, край один неровный. На нём детской рукой, большими буквами написано: «Разрешение».

Мне бы взять да и окрестить. Пусть несовершеннолетняя, пусть взрели бы меня. Могли и в епархию пожаловаться. Ну и что? Дальше Васисса владыка не отправил бы. Да и поняйтбы всё. Мог отругать при свидетелях, потом наедине сказать: «Должен был я отреагировать, а ты правильно сделал». Я снова отправил Алису за разрешением:

– Мама или папа должны написать.

Мама, как потом узнал, беспутная. В школе русский и литературу преподавала. По натуре из блудливых. С мужем на этой почве разошлись, после этого понеслось – с одним сойдётся, поживёт, разбегутся, следом другой появится. В деревне всё на виду. Одно время едва не шведской семьёй жила с двумя мужиками. Обращалась к ней Алиса за разрешением креститься или нет – не знаю, но больше ко мне не приходила. По сей день корю себя – не окрестил ребёнка.

Воскресная школа

– Детки были очень хорошие, – подключается к разговору монахиня. – Родители, бывало, беспутные, а детки хорошие. Перед Рождеством наряжали ёлку в храме. Допоздна провозились. Выходим на крыльцо, небо звёздное. Полюбовались. Вон, говорю, Большая Медведица, а там Северная звезда. Начала рассказывать про Вифлемскую звезду, как засверкала она в таком же бархатно тёмном небе необыкновенным светом, привлекая внимание пастухов. И повела их к святому семейству.

Так идём по селу, Маринка Некрасова руку в карман сунула, растерянным голосом говорит:

– Матушка, – а я варежку в церкви забыла.

– Может, – спрашиваю, – по дороге потеряла?

Жмёт плечиками:

– Не знаю.

Не холодно в тот вечер, градусов десять.

– Ищи, – говорю, – по всем карманам. Смотри, вдруг дырка в подкладке, туда провалилась.

Ребятишки давай помогать. Все карманы у неё обшарили. Нет. Надо возвращаться. Шеренгой выстроились на дороге, идём под ноги смотрим. Подошли к храму, а он открытый. Оставили дверь незапертой. У меня похолодело на сердце. Были в селе хулиганы, могли залезть, нагадить. Мы на звёзды залюбовались, я, тетеря, забыла про замок. Достала ключи, начала закрывать, Маринка радостно воскликнула:

– Матушка, нашла варежку!

Если бы не эта пропажа, оставили церковь открытой.

Марина нашла варежку в кармане.

Для них это было чудом. Из ряда вон. Все вместе искали варежку, во всех карманах у Марины. И вдруг она в кармане. Несколько дней только и разговоров было о варежке, пропавшей и чудесным образом снова оказавшейся на месте.

В тот год они тайком от меня вертеп слепили. Договорились между собой, пришли и слепили во дворе церкви. За день до Рождества прихожу в церковь, а во дворе вертеп. Да так старательно сделали. И коровка, и две овечки, святое семейство...

Оля Петрова хорошо лепила, она заводилой была, когда делали вертеп. А весной она повесилась.

В тот вечер пришла в церковь, принесла рисунок. Три девушки за столом... В манере Модильяни, тонкие линии, шеи длинные. На столе перед девушками блюдо с монетами. В воскресной школе двое хорошо рисовали – Вова Новичков и Оля. Мальчик как мальчик, по вдохновению, десять раз напомним, может вообще не сделать, Оля – надёжная. Мы рукописный журнал выпускали. Я сразу отказалась от компьютерных картинок. Дети пусть и сельские, а продвинутые: давайте, говорят, из интернета будем брать. Нет, говорю, лучше сами, так интереснее. В церкви завели ящик для вопросов. В журнале на них отвечали. Про святых писали, о церковных праздниках. Помню, Оля нарисовала преподобного Герасима со львом. Лев грустный-грустный, это когда он осла прокараулил, а караванчики укради животинку, что бесхозно паслась. Преподобный Герасим посчитал, лев проголодавшись, ничего умнее не придумал, как животинкой голод утолить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.